

**ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОТИВОРЕЧИЙ
НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ
(2005–2021 гг.)**

**DYNAMICS
OF THE PERCEPTION
OF SOCIAL CONTRADICTIONS
BY THE POPULATION
OF RUSSIA (2005-2021)**

И. В. Дудин *

Ilya V. Dudin *

* Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук Москва, Россия

* Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

Цель исследования состояла в том, чтобы понять, как выглядят в восприятии населения страны основные противоречия российского общества, и оценить динамику этого восприятия в период с 2005 по 2021 г.

Objective of the study was to understand what the main contradictions of Russian society look like in the perception of the population of the country and to assess the dynamics of this perception in the period from 2005 to 2021.

Методологическую базу исследования составляли динамический, сравнительный и корреляционный анализ. Восприятие противоречий рассматривалось при этом как элемент общественного сознания, имеющий важное значение для консолидации общества. На данных ряда общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН за 2005–2021 гг. в статье представлен анализ изменения отношения россиян к противоречиям, имеющим различную природу (в т. ч. связанным с социально-экономическими неравенствами, относящимся к политико-административным отношениям, а также имеющим социокультурный или идеологический характер). Проанализированы также группы противоречий с разным типом динамики отношения к ним представителей массовых слоев населения страны в рассматриваемый период.

The methodological basis of the research was dynamic, comparative and correlation analysis. The perception of contradictions was considered at the same time as an element of public consciousness, which is important for the consolidation of society.

Based on the data of a number of all-Russian studies of the IS of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2005-2021, the article presents an analysis of the change in the attitude of Russians to contradictions of various nature (including those related to socio-economic inequalities related to political and administrative relations, as well as those of a socio-cultural or ideological nature). The groups of contradictions with different types of dynamics of the attitude of representatives of the mass strata of the country's population to them during the period under review are also analyzed.

Результаты исследования. Показано, что наиболее остро россиянами в 2005–2021 гг. воспринимались противоречия экономического и политико-административного характера, а межгрупповая напряженность в российском социуме всё это время оставалась на высоком уровне. Однако в отношении групп, входящих в массовые слои населения, эта напряженность с 2005 г. заметно снизилась при ее сохранении (но не усилении) для взаимоотношений массовых слоев общества и его «верхушки». Группами, имеющими особую позицию по отношению к противоречиям в российском обществе, оказались прежде всего москвичи и петербуржцы, а также молодежь до 25 лет и граждане, оценивающие свое материальное положение как плохое. Для Юга России характерно относительно более спокойное отношение к межгрупповым противоречиям, чем для остальной части страны.

Перспективы исследования. Обеспечивая понимание «фонового» восприятия межгрупповых противоречий российского общества и основных тенденций отклонения от этой типичной картины под влиянием различных факторов как макро-, так и микроуровня, проведенное исследование может быть использовано для решения ряда задач управления, связанных с повышением степени консолидации российского общества. Кроме того, оно может быть расширено за счет дополнения в него новых временных точек или углубленного анализа на уровне отдельных регионов.

Ключевые слова: социальные противоречия, консолидация, массовое сознание, межгрупповые конфликты, социальная напряженность.

Research results. It is shown that the contradictions of an economic and political-administrative nature were perceived most acutely by Russians in 2005–2021, and intergroup tension in Russian society remained at a high level all this time. However, in relation to groups belonging to the mass strata of the population, this tension has noticeably decreased since 2005, while maintaining (but not strengthening) the relationship between the mass strata of society and its «top». The groups that have a special position in relation to the contradictions in Russian society were primarily Muscovites and Petersburgers, as well as young people under 25 and citizens who assess their financial situation as poor. The South of Russia is characterized by a relatively calmer attitude to intergroup contradictions than the rest of the country.

Prospects of the study. Providing an understanding of the «background» perception of the intergroup contradictions of Russian society and the main trends of deviation from this typical picture under the influence of various factors at both macro and micro levels, the study can be used to solve a number of management tasks related to increasing the degree of consolidation of Russian society. In addition, it can be expanded by adding new time points to it or by in-depth analysis at the level of individual regions.

Keywords: social contradictions, consolidation, mass consciousness, intergroup conflicts, social tension.

Введение

Социальные противоречия являются своего рода отражением текущего состояния общества. Однако эти противоречия не статичны и со временем видоизменяются, помогая прогнозировать вектор дальнейшего общественного развития. Это усложняет картину их восприятия в общественном созна-

нии, одним из важных компонентов которого выступает видение представителями различных социальных групп картины этих противоречий. В то же время понимание видения массовыми слоями населения картины наиболее острых межгрупповых противоречий исключительно важно для оценки степени и перспектив консолидации общества. Особую значимость подобные исследования имеют для российского общества, пережившего за последние десятилетия много событий и находящегося сейчас в поворотной точке своего развития.

Принимая всё это во внимание, нашей целью было понять, как менялось восприятие населением страны основных противоречий российского общества в период 2005–2021 гг. Из этой цели вытекают задачи исследования, в т. ч.: 1) проанализировать изменения в восприятии россиянами социальных противоречий с 2005 по 2021 г.; 2) классифицировать противоречия по их характеру, а также типу их динамики и рассмотреть сравнительную значимость для россиян противоречий разного характера; 3) оценить специфику восприятия противоречий разными социальными группами и выделить социальные группы, демонстрирующие значимо отличающиеся от средних значений по России результаты.

Исходя из его цели и задач, объектом исследования являлось общественное сознание россиян, предметом же выступала динамика восприятия россиянами социальных противоречий.

Проблема противоречий обществ современного типа в литературе

У каждого общества, в зависимости от опыта его исторического развития, есть свои особенности. Это касается и характерных для него социальных противоречий, а также восприятия их сравнительной остроты. Однако можно объединить некоторые противоречия по их причинам и характеру в группы. Группа противоречий экономического характера, например, объединяет противоречия, возникающие на почве неравномерного распределения финансовых, природных или иных ресурсов. Социокультурные противоречия включают противоречия, формирующиеся на базе различий в нормативно-ценностных системах и поведении представителей разных социальных групп, в том числе – с учетом их этнической, религиозной принадлежности и т. д. Как в зарубежной, так и в отечественной литературе можно найти анализ того, как влияют на разные общества те или иные виды противоречий, а также по каким причинам эти противоречия возникают и как они воспринимаются (Бек, 2000; De Dreu, 2010; Wieworka, 2013).

В рамках данного исследования нами были выделены по их характеру следующие группы противоречий: экономические, политико-административные, социокультурные, идеологические. Экономические противоречия в за-

рубежной литературе представлены обычно противоречиями на почве неравномерного распределения ресурсов, а также противоречиями в сфере труда. Именно экономические противоречия чаще всего рассматриваются исследователями как ключевые. Так, Э. Даль Бё и П. Даль Бё не только подчеркивают первостепенную важность экономических противоречий для социальной стабильности, но и утверждают, что борьба за присвоение и распределение экономических благ является ключевым фактором любых социальных противоречий на международной арене, а не только внутри локальных обществ (E. Dal Bó, P. Dal Bó, 2004). Ф. Хёртель и Н. Шёнек отмечают, что в странах с более высокими показателями индекса человеческого развития и ВВП на душу населения, а также с более низкими социально-экономическими дисперсиями, люди спокойнее воспринимают любые противоречия, поскольку именно экономические неравенства и вытекающие из них противоречия больше всего влияют на социальную стабильность общества (Hertel, Schöneck, 2019).

Если же говорить о противоречиях в сфере труда, то главными их причинами являются попытки работодателей снизить издержки производства. Это может быть, к примеру, нежелание улучшать оплату труда работников, или даже ее понижение. Однако ухудшить финансовое благополучие работников способна и свойственная XXI веку автоматизация рабочих процессов на предприятиях, следствием чего является потеря многими сотрудниками своих рабочих мест. На противоречия данной группы обращали особое внимание М. Кастельс (Кастельс, 2000, с. 158–160), И. Валлерстайн (Валлерстайн, 2006, с. 180–181) и многие другие зарубежные авторы.

Широко представлен в зарубежной литературе также анализ идеологических и социокультурных противоречий. При этом обычно подчеркивается, что почва у этих противоречий одна – процесс глобализации общественной жизни, затрагивающей и общественное сознание. Более того, начиная с С. Хантингтона стало уже общим местом утверждение о растущей роли в современном мире именно противоречий социокультурного и идеологического характера (Хантингтон, 2003). Не удивительно в этом контексте, что Р. Инглхарт и К. Вельцель, рассматривая глобализацию с точки зрения модернизации общественного сознания, говорят о росте значимости ценностей личной независимости, гендерного равенства и демократии. Однако Р. Инглхарт и К. Вельцель и сами отмечают, что культурные и идеологические нормы стран Запада не везде способны найти позитивный отклик. В странах Востока или в поликультурных государствах, например, они могут восприниматься достаточно скептически и даже вызывать откровенное отторжение (Инглхарт, Вельцель, 2011). Такая ситуация характерна и для России – огромной страны, где социокультурной общностью объединены множество этносов. Про особую важность социокультурного аспекта говорит и М. Кастельс (Кастельс, 2000). Он считает самым важным условием социальной стабильности возможность

для разных культур или отдельных людей сохранять свою самобытность и индивидуальность перед лицом прогрессирующей глобализации.

Другие авторы, в частности И. Валлерстайн, обращают внимание на то, что глобализация порождает не только идеологические или социокультурные, но и политико-административные противоречия. Однако анализ последних не так популярен у зарубежных исследователей, как экономических или социокультурных. Тем не менее и в этой области сделано немало. Так, по Валлерстайну, современная миросистема представляет собой единую мировую экономику, что требует общих правил человеческих отношений, основанных на идеологии универсализма. Однако поскольку универсализм не гарантирует равных прав и возможностей, то возникает дискриминация определенных групп по этнической принадлежности, возрасту, полу и т. д., генерирующая соответствующие противоречия (Валлерстайн, 2006, с. 112–115). На усиление противоречий между рядовыми членами общества и госаппаратом в условиях роста стремления граждан к свободному самовыражению и личной независимости, с одной стороны, и растущей забюрократизированности деятельности госаппарата, в том числе – и под влиянием усложнения международных обязательств стран, обращали внимание Р. Инглхарт и К. Вельцель (Инглхарт, Вельцель, 2011).

Особый интерес в рамках данного исследования для нас представляли также труды отечественных ученых, в которых разные группы противоречий анализировались применительно к России. Так, Ф. А. Лукьянов и А. И. Миллер обращали особое внимание на противоречия идеологического и социокультурного характера и рассматривали как основное для современной России противоречие между сторонниками идеи глобализации по западному образцу и людьми, по мнению которых Россия должна развиваться своим, уникальным путем (Миллер, Лукьянов, 2016). Другие политологи анализировали политико-административные отношения – например, С. Е. Кургинян утверждал, что самым острым противоречием российского общества является противоречие между различными группами политических элит (Кургинян, 2008).

В. А. Аникин, анализируя сравнительную значимость политико-административных и экономических противоречий, указывал на рост недовольства россиян отношениями в сфере труда в середине 2010-х гг. – работодатели пытались в ходе экономического кризиса 2014–2016 гг. ухудшать условия труда работников для снижения издержек производства. Однако, по его мнению, население перекладывало ответственность за эту проблему с действительных её виновников (работодателей) на власть, которая не уделяет должного внимание этой проблеме (Аникин, 2016). Таким образом, выделяя как основные для российского общества противоречия экономического и политико-административного характера, В. А. Аникин показывал их сложную взаимосвязь.

В целом, опираясь на анализ работ как зарубежных, так и российских исследователей, можно сделать вывод, что целесообразно разделять противоречия по их характеру на группы. При этом нет противоречий, которые были бы самыми острыми в восприятии граждан любого общества. В странах с нестабильной экономикой население мало что будет волновать так, как экономическое благополучие. В странах с развитой экономикой люди будут обращать большее внимание на социокультурные противоречия и т. д. Динамика же восприятия противоречий в обществе будет напрямую зависеть от тех вызовов, с которым оно будет сталкиваться.

Методология и эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования стали данные Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Опросы в рамках этого Мониторинга проводятся не реже одного раза в год начиная с октября 2014 г. по общероссийской квотной выборке (составлявшей в разных волнах от 2000 до 4000 респондентов), репрезентирующей население страны от 18 лет и старше. На первой степени формирования выборки районирование осуществляется по федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого федерального округа типичных для него субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ на основе статистических данных рассчитываются квоты по типам поселений. На четвертой ступени определяются квоты по социально-профессиональной принадлежности и полу, а также возрастные пропорции. В нашем исследовании использовались данные опросов, проходивших в октябре 2015 г., мае 2017 г. и марте 2021 г. За основу анализа был принят 2021 год ($N = 2000$), поскольку в этот момент уже начала спадать напряженность, вызванная пандемией коронавируса, но еще не начала оказывать свое влияние СВО на Украине. Таким образом, именно данные этого года в наибольшей степени позволяют проанализировать «фоновое», характерное для относительно спокойного состояния российского общества, восприятие россиянами наиболее болезненных для него противоречий.

Наряду с данными Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН при анализе использовались также данные исследования Института социологии РАН «Собственность в жизни россиян: домислы и реальность», проходившего в апреле 2005 г. Выборка опроса в этом исследовании строилась по территориально-экономическим районам в соответствии с районированием ФСГС РФ, затем в каждом районе выделялись наиболее типичные для него субъекты РФ, для которых рассчитывались квоты по полу, возрасту и типу поселения. Численность респондентов в этом опросе составила 1750 человек.

Методами исследования послужили анализ данных при помощи таблиц сопряженности в программе SPSS Statistics, корреляционный анализ (с использованием хи-квадрата), а также динамический и сравнительный анализ.

Динамика восприятия массовыми слоями населения основных противоречий российского социума (2005–2021 гг.)

Начнем анализ со сравнения популярности противоречий в двух крайних временных точках исследования – 2005 и 2021 гг.

Рис. 1. Динамика ответов россиян на вопрос «Между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия?», 2005–2021 гг., %¹

Источник: рассчитано и составлено автором

Как видно из данных рисунка 1, оценки остроты тех или иных противоречий имели в эти годы различный характер. При этом оценки половины противоречий (7 из 12) за 16 лет не подверглись значительным изменениям (разница между значениями 2005 и 2021 гг. составила менее 5 %). Три противоречия потеряли популярность среди россиян – это противоречия между богатыми и бедными, между русскими и нерусскими, а также между православными и мусульманами. Два противоречия, наоборот, стали восприниматься острее – это противоречия между чиновниками и гражданами, к ним

¹ На рисунке приведены данные по противоречиям, отношение к которым рассматривается в данной статье. Общий список противоречий включал и ряд других позиций, отношение к которым рассмотрено в (Дудин 2023; Тихонова, Дудин, 2023).

обращающимися, а также между западниками и сторонниками самостоятельного пути развития России. Такого рода динамика говорит о нарастающей консолидации народов России и росте удовлетворенности россиян своим экономическим положением в сравнении с серединой 2000-х гг. Однако эти позитивные тенденции проявлялись на фоне сохранения недовольства граждан работой представителей власти, особенно на местах. Острее стал стоять и вопрос о путях развития России.

Важно, что выросла и доля россиян, не назвавших ни одного острого противоречия – в 2005 г. их было 7,9 %, а в 2021 г. уже 17,0 %. Это также говорит о том, что межгрупповая напряженность в российском обществе за рассматриваемый период снизилась, однако остается серьезной – более 80 % россиян выделяют хотя бы одно острое противоречие российского социума, а более половины их либо сохранили свою остроту, либо даже приобрели в популярности.

Что касается специфики Юга России, который был представлен в опросе Ставропольским краем, Ростовской областью и Республикой Крым (N = 358¹), то для его населения характерно как более спокойное восприятие межгрупповых противоречий российского социума в целом (доля не оценивавших их как острые составляла на Юге России в 2021 г. 25,7 % при 15,0 % в среднем по остальным вошедшим в выборку регионам), так и в отношении отдельных противоречий. Так, о противоречии между властью и народом как острым говорили тогда в трех этих южных регионах 31,6 % вместо 38,2 % по остальным регионам; о противоречии между гражданами и чиновниками – 18,2 % и 26,1 % соответственно; о противоречии между собственниками предприятий и наемными работниками – 7,8 % и 15,1 %. По восприятию остальных противоречий эти различия не превышали 3 %.

Если же выделить четыре группы противоречий – экономические, политико-административные, социокультурные и идеологические – то можно провести также сравнительный анализ динамики их популярности. Начнем с анализа противоречий экономического характера. В эту группу вошли противоречия между богатыми и бедными, олигархами и остальным обществом, собственниками предприятий и наемными работниками, а также, с определенной долей условности, между Москвой и провинцией. Все противоречия, кроме противоречия между собственниками предприятий и наемными работниками, до 2017 г. имели тенденцию к спаду (рис. 2). При этом противоречия между богатыми и бедными, а также между Москвой и провинцией имели идентичную динамику.

Противоречие между богатыми и бедными чаще всего рассматривалось россиянами как острое, хотя с 2005 г. до 2017 г. популярность этого проти-

¹ Выборка не была репрезентативной ни для этих регионов, ни для Юга России в целом, но всё же некоторые тенденции (без претензий на точность количественных значений) она позволяла зафиксировать.

воречия упала примерно в два раза. Затем (к 2021 г.) наблюдалось новое его обострение, что могло быть следствием экономического спада, характерного для ковидных лет. Тем не менее даже в 2021 г. число его выборов не достигло уровня 2005 г., что позволяет говорить о спаде интереса к этому противоречию как среди россиян в целом, так и разных их групп¹ за 2005–2021 гг. Наивысший спад интереса к этому противоречию в 2015 г. продемонстрировали жители районных центров (с 61,1 % до 36,1 %) и не занятое в экономике население (с 63,6 % до 36,9 %), подавляющее большинство которого составляют неработающие пенсионеры. Падение их интереса к противоречию между богатыми и бедными можно объяснить ростом пенсий между 2005 и 2015 гг.

Противоречие между собственниками предприятий и наемными работниками имеет отличающуюся от других экономических противоречий динамику. Пик популярности этого противоречия пришелся не на 2005 г., а на 2015 г., т. е. своего наивысшего напряжения это противоречие достигло в ходе экономического кризиса 2014–2016 гг., когда собственники предприятий пытались решить свои проблемы за счет работников. Однако в целом отношение к этому противоречию мы можем считать стабильным, т. к. после резкого подъема в 2015 г. процент его выбора в 2021 г. вернулся к уровню 2005 г. Острее всего на это противоречие реагировали в 2015 г. респонденты с общим средним образованием (27,3 %), а также рабочие (25,7 %). Видимо, именно на эти относительно менее благополучные социальные группы пришелся основной удар экономического кризиса середины 2010-х гг.

Нельзя не обратить внимание и на группы, послужившие главными «двигателями» подъема популярности противоречий между богатыми и бедными, а также между Москвой и провинцией в 2021 г. Это были группы-антиподы – в случае противоречия между богатыми и бедными это были люди, оценившие свое материальное положение как плохое, а в случае с Москвой и провинцией – оценившие его как хорошее². Это говорит о том, что при всей близости этих противоречий, стоящая за ними проблема экономических неравенств воспринимается различными социальными группами по-разному.

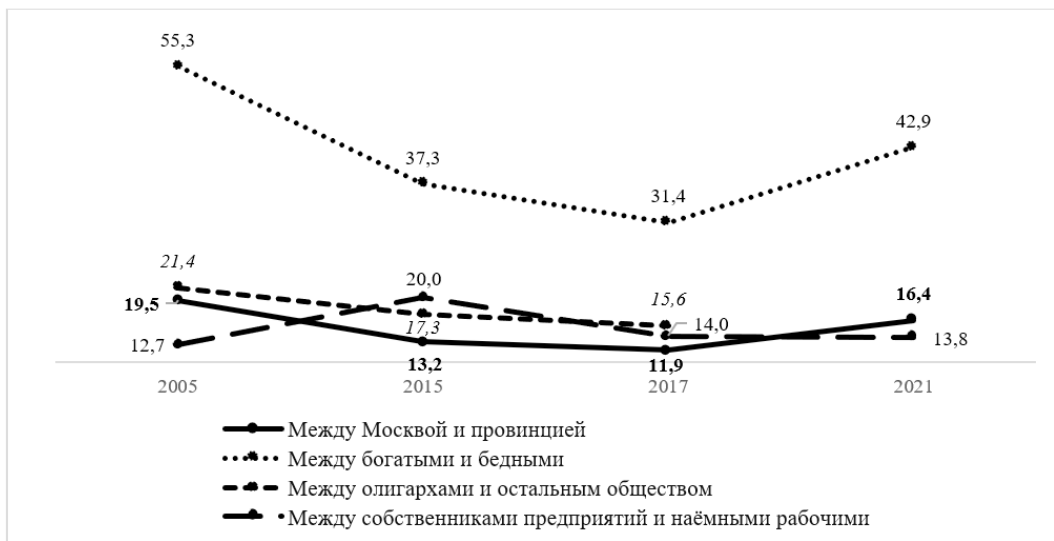
Противоречие между олигархами и остальным обществом стабильно теряло в популярности с 2005 по 2017 г. В ходе исследования мы не обнаружили каких-либо значимых отличий среди социальных групп от средних значений по отношению к этому противоречию. Отметим также, что отсутствие противоречия между олигархами и остальным обществом в инструментарии

¹ Анализировались социальные группы, дифференцированные по возрасту, уровню образования, типу поселений, социально-профессиональному статусу, а также по субъективному восприятию респондентами своего финансового благополучия. В статье приведены лишь наиболее значимые результаты этого анализа.

² Вопрос формулировался следующим образом: «Как вы оцениваете свое материальное положение сегодня?». Предлагались ответы: хорошо, удовлетворительно, плохо.

опроса 2021 г. может быть одной из причин роста популярности в этом году как противоречия между богатыми и бедными, так и «Москвы и провинции».

Несмотря на некоторый подъем интереса населения к противоречиям экономической группы к 2021 г., уровень их остроты в восприятии массовых слоев населения находился тогда ниже уровня 2005 г. либо на том же уровне. Совокупный же процент выборов противоречий экономического характера как наиболее острых за период 2005–2021 гг. сократился в полтора раза (рис. 2). Всё это говорит о постепенной адаптации россиян к нынешней глубине экономических неравенств в России.

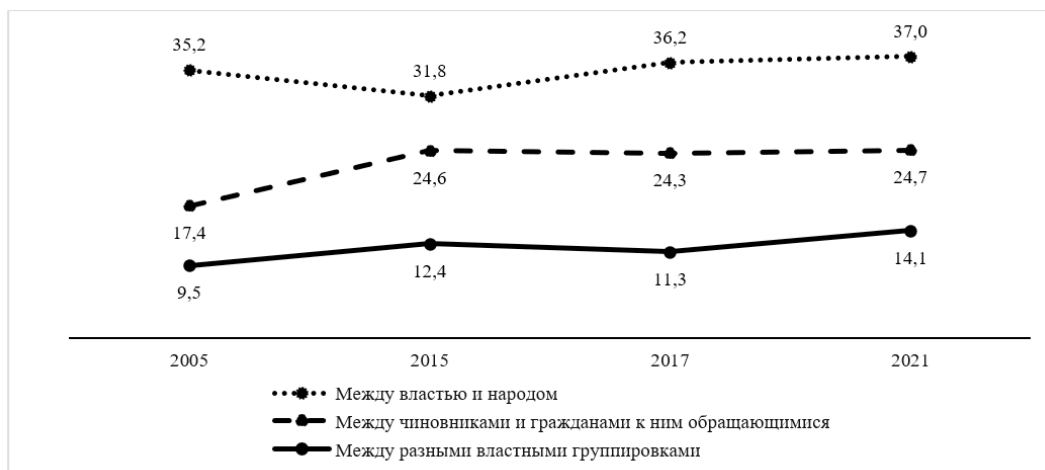

Рис. 2. Динамика числа назвавшихся экономические противоречия в числе трех наиболее острых для российского общества, 2005–2021 гг., %¹

Источник: рассчитано и составлено автором

К противоречиям политико-административного характера относятся противоречия между властью и народом, чиновниками и обращающимися к ним гражданами, а также между разными властными группировками (рис. 3). Исходя из имеющихся данных, мы можем говорить о стабильном характере восприятия россиянами всех политико-административных противоречий. Противоречие между властью и народом является одним из самых стабильных и при этом популярных среди всех упоминавшихся в анкетах опросов разных лет. И хотя в 2015 г., после воссоединения Крыма с Россией, произошел некоторый спад интереса к этому противоречию, но уже к 2017 г. доля его упоминаний в числе наиболее острых вышла на свой прежний уровень.

¹ В 2021 г. вопрос об отношении к противоречию между олигархами и остальным обществом не задавался.

Рис. 3. Динамика назвавшихся политико-административные противоречия российского общества, 2005–2021 гг., %

Источник: рассчитано и составлено автором

Если же говорить об отношении конкретных социальных групп к противоречию между властью и народом, то примечательные результаты показали только жители двух столиц. На общем фоне подъема интереса к этому противоречию среди россиян в 2017 г., москвичи и петербуржцы продемонстрировали сильный спад интереса к этой проблеме – с 35,4 % выбравших его в 2015 г. до 22,4 % в 2017 г. (с серьезным отрывом от всех рассматривавшихся социальных групп). Однако к 2021 г. они же показали наибольший рост обеспокоенности этим противоречием на фоне других групп населения (подъем на 16,5 % в сравнении с 2017 г.). Видимо, к 2017 г., по мнению москвичей и петербуржцев, власти удалось восстановить экономическое благополучие в стране после кризиса 2014–2016 гг. Примечательным является и показатель выбора противоречия между властью и народом среди россиян, оценивших в 2021 г. уровень своего материального положения как плохой. Данная группа выбирала этот вариант ответа практически в половине случаев (46,5 % при средних 37,0 %), что можно объяснить неудовлетворенностью представителей этой группы мерами власти по помощи им.

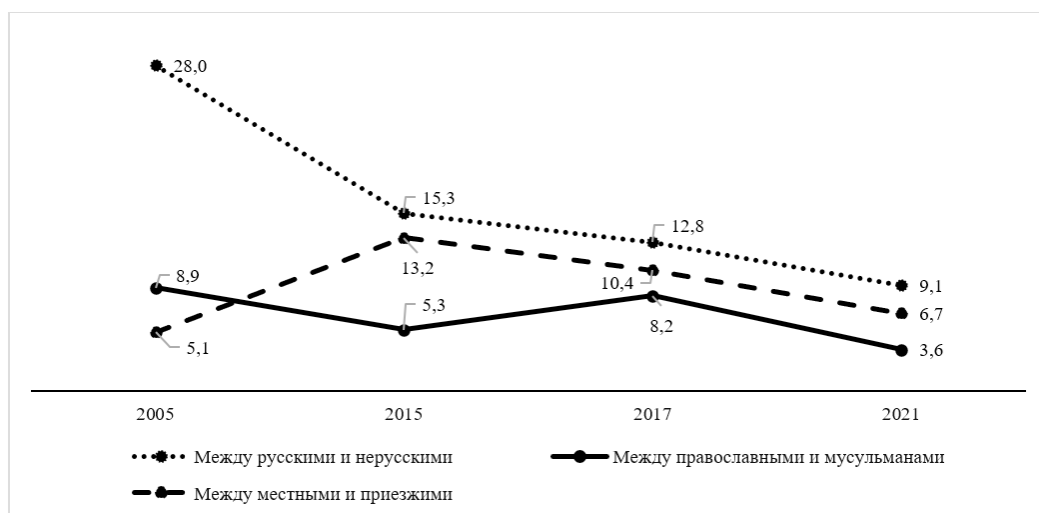
Противоречие между чиновниками и обращающимися к ним гражданами заметно набрало популярность к 2015 г. и далее до 2021 г. наблюдался «штиль» – колебания не превысили 0,5 % за 6 лет. Подобные данные позволяют нам назвать отношение к этому противоречию исключительно стабильным. Стоит отметить, что жителей двух столиц данное противоречие серьезно волновало уже в 2005 г., и это была тогда единственная социальная группа, где респонденты выбирали данный пункт чаще чем в четверти случаев

(25,9 %). Примерно каждый четвертый житель столиц называл это противоречие в числе наиболее острых до 2017 г. Однако к 2021 г. среди москвичей и петербуржцев происходит резкий скачок интереса к этой проблеме (48,0 % выбравших, т. е. в 2 раза) на общем стабильном фоне восприятия взаимоотношений чиновников и граждан остальными россиянами. Возможной причиной такого резкого подъема могли быть серьезные анти-ковидные меры, предпринятые в ходе пандемии в Москве и Санкт-Петербурге.

Противоречие между разными властными группировками отличается по своей сути от двух других политико-административных противоречий, поскольку не предполагает вовлеченности в него общества. Оно показало незначительные (в пределах 5 %) колебания в период между 2005 и 2021 гг., что позволяет назвать это противоречие стабильным. В отношении отдельных социальных групп к нему также не наблюдалось значительной разницы, и в целом оно меньше волновало россиян, чем два других противоречия этой группы.

Таким образом, говоря об отношении населения к политико-административным противоречиям в сравнении с противоречиями экономического характера, прежде всего стоит отметить гораздо большую стабильность их восприятия на протяжении всего рассматриваемого периода.

Третья группа противоречий – социокультурные. В нее входят противоречия между русскими и нерусскими, православными и мусульманами, местными и приезжими. На рисунке 4 видно, что среди противоречий этой группы нет единой динамики. Противоречие между русскими и нерусскими в 2005 г. было третьим по популярности среди населения, однако далее шел стабильный спад его популярности – за 16 лет интерес к нему среди россиян упал в три раза. Это свидетельствует о консолидации народов России, преодолении в обществе «разломов» по этнонациональным основаниям. Наибольший спад популярности этого противоречия произошел между 2005 и 2015 гг., т. е. на фоне событий в Грузии в 2008 г. и на Украине в 2014 г., под влиянием угроз, связанных с геополитическим положением страны. Противоречие между русскими и нерусскими характеризуется самым сильным спадом интереса населения к нему. Относительно данного противоречия наибольший интерес на фоне других социальных групп представляют молодежь до 25 лет и жители двух столиц. В 2005 г. молодежь выбирала противоречие между русскими и нерусскими заметно чаще остальных групп – в 41,0 % случаев. Однако затем эта группа резко потеряла к нему интерес – в 2015 г. она называла противоречие между русскими и нерусскими в числе наиболее острых уже лишь в 23,1 % случаев, а к 2021 г. этот показатель упал даже до 10,4 %. Похожую картину показали москвичи и петербуржцы. В 2005 г. 37,7 % из них выбирали данное противоречие. Повышенный интерес москвичей и петербуржцев к нему может объясняться как активной миграцией в столицы других народов

Рис. 4. Динамика социокультурных противоречий российского общества, 2005–2021 гг., %

Источник: рассчитано и составлено автором

России из регионов, так и иностранцев из постсоветского пространства, что создавало угрозу для сохранения культуры и образа жизни традиционно доминирующего в столицах русского этноса. Однако к 2015 г. интерес к этому противоречию на фоне других падает почти в 3 раза (до 13,0 %). Это самое быстрое падение популярности данного противоречия среди всех групп населения, что говорит о постепенной адаптации к нему жителей столиц. Если же говорить о молодежи, то ее особое внимание к противоречию между русскими и нерусскими может объясняться идеологическими установками. В отличие от других социальных групп, молодежи до 25 лет даже в раннем детстве не прививались ценности «братства народов», характерные для идеологии советского периода истории страны.

Противоречие между православными и мусульманами традиционно является одним из наименее популярных среди россиян – его популярность даже на пике ее не превышала 9 %. Колебания в динамике отношения населения к этому противоречию невелики – разница между наименьшей и наивысшей точками его популярности составляет всего 5 %. В отношении различных социальных групп также не просматривается каких-либо особенностей.

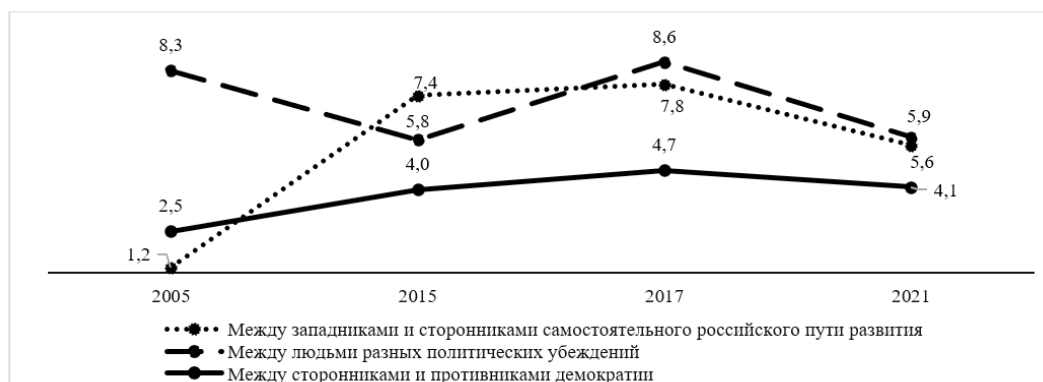
Противоречие между местными и приезжими показало в сравнении с противоречием между русскими и нерусскими в 2005–2015 гг. противоположную динамику. Если в 2005 г. оно было одним из наименее популярных, то в 2015 г. интерес к нему вырос в два с половиной раза. Однако затем тренд сменился на противоположный и к 2021 г. подъем 2015 г. был практически

полностью нивелирован. Наиболее примечательными группами в их отношении к противоречию между местными и приезжими вновь оказались молодёжь до 25 лет и жители столичных мегаполисов. Молодежь до 25 лет показала в 2015 г. самый сильный рост интереса к этому противоречию – в сравнении с 2005 г. ее представители называли его в числе наиболее острых для российского социума в 4 раза чаще (рост с 4,8 % до 20,5 %). Однако далее эта возрастная группа резко потеряла к нему интерес, и процент выбора упал до уровня 2005 г. (4,4 %). На этом фоне жители двух столиц оказались единственной социальной группой, обеспокоенность которой противоречием между местными и приезжими никогда не опускалась ниже 10 %, а пик его популярности пришелся среди них на 2015 г. – 21,1 %. Это говорит о том, что для жителей столиц, как и для молодежи, отношение к этому противоречию связано не только с социокультурными, но и с экономическими факторами – ведь 2015 год был самым тяжелым в ходе экономического кризиса 2014–2016 гг.

В целом же, если говорить о группе противоречий социокультурного характера, то прежде всего нужно отметить, что все три противоречия этой группы традиционно не очень актуальны для россиян. Более того – значимость каждого из них снижается, как и их совокупная значимость (рис. 6), что говорит о растущей консолидации массовых слоев населения России. Однако, несмотря на то, что начиная с 2015 г. социокультурные противоречия вызывали у россиян меньшую обеспокоенность, чем противоречия экономического или политико-административного характера, всё же есть группы, для которых они были весьма значимы. Это молодежь до 25 лет и жители двух столиц, хотя и для них актуальность этой группы противоречий, несмотря на «подскок» их значимости в ходе кризиса 2014–2016 гг., уменьшилась.

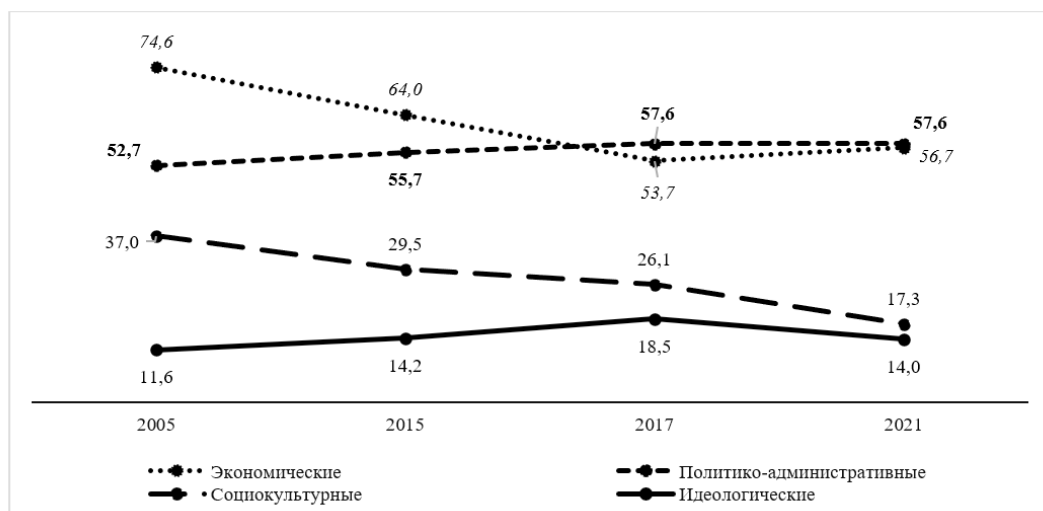
Последняя группа противоречий – противоречия, в основе которых лежат идеологические разногласия. В нее входят противоречия между западниками и сторонниками самостоятельного пути развития России, между людьми разных политических убеждений, а также между сторонниками и противниками демократии (рис. 5). Для всех трех противоречий этой группы характерны малый интерес к ним россиян и незначительные колебания в оценке их остроты. При этом в случае с противоречием между западниками и сторонниками самостоятельного пути развития России можно говорить о росте популярности в сравнении с 2005 г., отношение же к другим противоречиям этой группы довольно стабильно.

Для полноты картины динамики отношения населения к наиболее острым противоречиям российского социума важно понять также отношение россиян к противоречиям разной природы в целом. Частично об этом уже упоминалось выше, однако этот вопрос заслуживает самостоятельного рассмотрения, основанного на анализе агрегированных ответов по каждой группе противоречий (рис. 6).

Рис. 5. Динамика идеологических противоречий российского общества, 2005–2021 гг., %

Источник: рассчитано и составлено автором

Рис. 6. Динамика числа выбравших хотя бы одно противоречие из четырех рассматривавшихся групп, 2005–2021 гг., %

Источник: рассчитано и составлено автором

Наивысший результат сначала показывал блок экономических противоречий, но в последние годы лидирующую позицию стала занимать группа политических противоречий. И хотя их популярность изменилась незначительно (4,9 п. п. с 2005 по 2021 г.), однако даже такой рост на фоне сокращения значимости для россиян противоречий экономического характера позволил противоречиям этой группы выйти на лидирующие позиции. Социокультур-

ные противоречия потеряли за это время популярность практически вдвое, а роль идеологических противоречий чуть выросла, хотя они были и остаются наименее популярной их группой.

Выводы

Целью исследования было понять, как менялось восприятие россиянами основных противоречий общества в период 2005–2021 гг. Самыми популярными оказались противоречия экономического и политико-административного характера, при этом популярность экономических по их характеру противоречий среди населения значительно уменьшилась в сравнении с 2005 г., а противоречия политико-административной группы с 2005 г. не потеряли в своей остроте. Тем не менее и в начале 2020-х гг. хотя бы одно противоречие как из экономической, так и из политико-административной их групп выбирал минимум каждый второй россиянин. Социокультурные противоречия за этот период сократили свою популярность втрое, а идеологические оставались все это время наименее популярными, хотя в последние два года сформировался потенциал быстрого роста их значимости в силу специфики внешнеполитической обстановки. При этом межгрупповая напряженность в российском социуме оставалась на высоком уровне – более 80 % россиян весь период наблюдений видели в нем острые противоречия. При этом для Юга России характерно относительно более спокойное, чем в остальной части страны, восприятие существующих в российском обществе противоречий.

Большинство противоречий всё это время воспринимались массовыми слоями населения без изменений или с незначительными колебаниями (как правило, в одном из опросов середины 2010-х гг. был подъем интереса к ним, который затем был нивелирован к 2021 г.). В числе таких противоречий – все политико-административные противоречия, что позволяет охарактеризовать эту группу как самую стабильную. Также стабильно восприятие противоречий между Москвой и провинцией и между собственниками предприятий и наёмными рабочими из экономической группы противоречий. Однако два других, наиболее популярных противоречия этой группы (между богатыми и бедными и между олигархами и остальным обществом) стали восприниматься россиянами к 2021 г. заметно спокойнее. Социокультурная группа противоречий не имела особой популярности среди россиян, за исключением противоречия между русскими и нерусскими, однако его популярность снизилась между 2005 и 2021 гг. втрое. Это говорит о консолидации российского социума со снижением дифференцирующего значения этнических признаков. Стабильно спокойно воспринимаются населением страны противоречия между православными и мусульманами, а также местными и приезжими. Группа идеологических противоречий до 2021 г. была наименее популярной среди россиян, однако противоречие между западниками и сторонниками са-

мостоятельного пути развития России, единственное из всего представленного списка противоречий, испытало с 2005 по 2021 г. подъем популярности. В условиях непростой внешнеполитической обстановки для России его роль продолжит увеличиваться.

Социальной группой, показавшей самые частые отклонения от средних значений по России в целом, являются москвичи и петербуржцы. Их чаще остальных волновали политико-административные, социокультурные и идеологические противоречия. Меньшая озабоченность их противоречиями экономического характера является, видимо, следствием более стабильного экономического положения жителей двух столиц в сравнении с другими регионами страны.

Россиян, оценивающих свое материальное положение как плохое, напротив, чаще остальных беспокоили противоречия экономического блока. Однако и противоречия между властью и народом, как и между чиновниками и обращающимися к ним гражданами, также относительно часто волновали именно эту социальную группу.

Всё вышесказанное означает, что процессы переосмысления российским обществом места страны в геополитическом пространстве с резким усилением конфронтации с коллективным Западом приводят к консолидации массовых слоев населения страны. Однако даже в периоды максимальной консолидации общества большинство представителей этих слоев болезненно воспринимают противоречие интересов общества в целом и его экономической и/или административной «верхушки». Это характерно как для россиян в целом, так и для отдельных их групп.

Список источников

Аникин, В. А. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков [и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – Москва: Весь Мир, 2016. – С. 313–333.

Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – Москва: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с. – ISBN 5-89826-059-5.

Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / И. Валлерстайн; пер. с англ. Н. Тюкиной. – Москва: Территория будущего, 2006 (М.: Типография «Наука»). – 246 с. – ISBN 5-91129-028-6.

References

Anikin V. A. Interests of the individual, the state and society in the mass perception of the population. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga tret'ya = Russian society and the challenges of the time. Book three.* M. K. Gorshkov [et al.]; ed. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Moscow: The Whole World; 2016. 313-333. (In Russ.).

Beck U. Risk society. On the way to another modern trans. from German V. Sedelnik and N. Fedorova. *Moscow: Territoriya budushchego = Moscow: Progress-Tradition*; 2000. 381 p. ISBN 5-89826-059-5. (In Russ.).

Wallerstein I. Mirosystemic analysis: Introduction; translated from English by N. Tyukina. *Moscow: Territoriya budushchego*

Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель; [пер. с англ. М. Коробочкин]; Фонд Либеральная миссия. – Москва: Новое изд-во, 2011. – 462 с. – ISBN 978-5-98379-144-2.

Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. – Москва, 2000. – 606 с. – ISBN 5-7598-0069-8.

Кургинян, С. Е. Качели. Конфликт элит – или развал России? / С. Е. Кургинян. – Москва: Междунар. общественный фонд «Экспериментальный творческий фонд», 2008. – 772 с. – ISBN 978-5-7018-0512-3.

Миллер, А. И. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности / А. И. Миллер, Ф. А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. 2016. – Т. 14, № 6. – С. 8–29.

Тихонова, Н. Е. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы / Н. Е. Тихонова, И. В. Дудин // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, № 2. – С. 6–24. – DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1>. – EDN HGVOFG.

Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

Dal Bó E., Dal Bó P. (2004). Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Working Paper, No. 2004-11, Brown University, Department of Economics, Providence, RI.

De Dreu, C. (2010). Social Conflict: The Emergence and Consequences of Struggle and Negotiation. 1-42. DOI: 10.1002/9780470561119.socpsy002027

Hertel, F., Schöneck, N. (2019). Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*, 1-19. DOI: 10.1177/0001699319847515

= *Moscow: Territory of the Future*, 2006. 246 p. ISBN 5-91129-028-6. (In Russ.).

Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural changes and democracy: the sequence of human development; [trans. M. Korobochkin]; *Fond Liberal'naya missiya = Liberal Mission Foundation. Moscow: Novoe izd-vo = Moscow: New Publishing House*; 2011. 462 p. ISBN 978-5-98379-144-2. (In Russ.).

Castels M. The Information Age: Economy, Society and culture; translated from English. under the scientific editorship of O. I. Shkaratan; *Gos. un-t. Vyssh. shk. ekonomiki. Moscow = State University. Higher School of Economics. Moscow*; 2000. 606 p. ISBN 5-7598-0069-8. (In Russ.).

Kurginyan S. E. Swing. The conflict of the elites – or the collapse of Russia? *Moscow: Mezhdunar. obshchestvennyj fond "Eksperimental'nyj tvorcheskij fond" = Moscow: Mezhdunar. Public Foundation "Experimental Creative Foundation"*; 2008. 772 p. ISBN 978-5-7018-0512-3. (In Russ.).

Miller A. I., Lukyanov F. A. Detachment instead of confrontation: Post-European Russia in search of self-sufficiency. *Rossiya v global'noj politike = Russia in Global Politics*. 2016; 14 (6) : 8-29. (In Russ.).

Tikhonova N. E., Dudin I. V. The main contradictions of Russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological Science and social practice*. 2023; 11. (2): 6-24. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1>. (In Russ.).

Huntington S. Clash of civilizations. Translated from English by T. Velimeeva, Yu. Novikova. *Moscow: ООО «Издательство АСТ» = Moscow: LLC "AST Publishing House"*; 2003. 603 p. (In Russ.).

Dal Bó E., Dal Bó P. Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. *Working Paper, Brown University, Department of Economics, Providence, RI*; 2004: 11.

De Dreu C. Social Conflict: The Emergence and Consequences of Struggle and Negotiation;

Wieviorka, M. (2013). Social conflict. *Current Sociology*, Vol. 61, 696-713. DOI: 10.1177/0011392113499487.

2010:11-42. DOI: 10.1002/9780470561119.socpsy002027

Hertel F., Schöneck N. Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*; 2019: 1-19. DOI: 10.1177/0001699319847515

Wieviorka M. Social conflict. *Current Sociology*; 2013; 61: 696-713. DOI: 10.1177/0011392113499487.

Для цитирования: Дудин И. В. Динамика восприятия социальных противоречий населением России (2005–2021 гг.) // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 4 (62). – С. 128–146.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.4.8
EDN NJQНJW

История статьи:
Поступила в редакцию – 21.06.2023
Одобрена после рецензирования – 01.08.2023
Принята к публикации – 11.08.2023

Сведения об авторе

Дудин Илья Васильевич
лаборант-исследователь,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского
социологического центра Российской
академии наук
dudiniv99@mail.ru

Information about author

Ilya V. Dudin
Research laboratory assistant
Institute of Sociology of the Federal
Research Sociological Center of the Russian
Academy of Sciences
dudiniv99@mail.ru